

Слова Юаньцзина заставили госпожу Фань весело рассмеяться. И впрямь, Сяо Минжуй, наследник князя Чэн, казался баловнем судьбы: девушки и шуан'эр из приличных семей один за другим мечтали войти в его дом. Поговаривали, что за вакантное место наложницы уже сражались несколько влиятельных родов. В глазах света наследник стал еще более завидным женихом, когда под его крыло перешла Мэн Сусу — признанная мастерица добывать золото из воздуха, чьи таланты лишь укрепляли его шансы в борьбе за престол.

Однако госпожа Фань видела ситуацию иначе. Даже если Сяо Минжуй в итоге взойдет на трон, он оставался тем типом мужчин, на которых нельзя положиться. Будь у нее выбор, она никогда бы не выдала дочь в поместье князя Чэн, чтобы та день за днем растрчивала жизнь в удушливой атмосфере бесконечных гаремных распрей.

В памяти Чжао Ханя о «прошлой жизни» мать тоже не желала отдавать его Сяо Минжюю. Но тогда Чжао Дэчан, ослепленный блеском перспективного зятя, настоял на своем, а последовавший императорский указ о браке окончательно лишил юношу выбора. Последующее поведение первоначального Чжао Ханя было во многом плодом воспитания матери — иначе, под влиянием отца, он непременно ввязался бы в борьбу за власть.

Согласно уговору, ни госпожа Фань, ни Юаньцзин не почтили поместье князя Чэн своим присутствием. Они ограничились тем, что отправили умеренно дорогой подарок, чем вызвали немало смешков среди столичной знати, следившей за отношениями между домом Фань и резиденцией хоу Хуайюань. Заметив тень досады, мелькнувшую на лице Чжао Ханя, многие злопыхатели лишь довольно потирали руки в ожидании нового скандала.

Ныне в столице резиденцию хоу и дом Фань воспринимали как совершенно разные и никак не связанные между собой владения. Когда дело доходило до светских приличий, приглашения отправляли в оба адреса отдельно. Хотя официально супруги не были в разводе, всем стало ясно: госпожа Фань в поместье мужа не вернется. Глядя на то, как безмятежно она живет под покровительством Великой принцессы и князя Дуаня, женщине более не было нужды оглядываться на чужое мнение.

Занимаясь делами своего имущества и общаясь с другими знатными дамами, госпожа Фань узнавала все подробности празднества в честь трех дней со дня рождения младенца. Пусть она не была там лично, её воображение легко рисовало нужные картины.

Старая госпожа и Чжао Дэчан вели себя так, словно наконец одержали великую победу и теперь могли ходить с высоко поднятой головой. Однако на самом банкете наложница Мэн Сусу — статная, блистательная и полная жизни — одним своим появлением затмила всех. Она выглядела истинной хозяйкой торжества, и нетрудно было представить, какую бурю негодования это вызвало в душе Чжао Ханя, который только-только подарил княжеству сына.

Госпожа Фань теперь окончательно отстранилась от дел Чжао Ханя, воспринимая новости о нем лишь как забавные сплетни.

Юаньцзин же владел куда более точными сведениями. Он заметил, что за два года шпионская сеть Минъюя в поместье князя Чэн пустила глубокие корни. Пусть большинство осведомителей находилось лишь на внешнем круге, этого вполне хватало, чтобы знать о каждом вздохе внутри стен.

С тех пор как стало известно о беременности Чжао Ханя, Мэн Сусу направила все свои силы на борьбу за благосклонность мужа. Рождение сына, способного унаследовать семейное дело, стало для нее вопросом жизни и смерти. Она видела, как нынешний император, не имея наследника, вынужден выбирать преемника среди родни — разве старый владыка мог быть этим доволен? Юаньцзин подозревал, что именно по этой причине император до сих пор тянул с окончательным решением.

Мэн Сусу пустила в ход всё свое очарование, чтобы привязать к себе Сяо Минжюя, и вскоре добилась желаемого — забеременела. Для наследника это время превратилось в череду изысканных наслаждений. Сусу, перенесшаяся из свободного современного мира, знала о постельных утехах куда больше, чем зажатый рамками приличий Чжао Хань.

Понеся дитя, наложница сосредоточилась на сохранении плода. Она и сама не заметила, как всё реже стала вникать в дела павильона «Мэй И». Если бы не тот факт, что товары всё еще требовали её уникальных знаний, она рисковала полностью утратить контроль над делом.

Пока она берегла себя, Сяо Минжуй снова начал заглядывать в покои других женщин. Это вызывало у Сусу горькую досаду.

«Если бы не знание того, что ты в конце концов станешь императором, кто бы захотел сражаться за этот "общественный огурец"? На мужчин древности и впрямь нельзя особо полагаться. Впрочем, кто сказал, что беременность — повод отпустить его от себя?»

Мэн Сусу прищурилась, обдумывая, как удержать мужчину. Она убеждала себя, что всё это — ради будущего. Только оставаясь самой любимой, она сможет расчистить путь своему сыну. Когда тот взойдет на трон, она станет самой почитаемой женщиной в Великой Чжоу и сможет делать всё, что ей заблагорассудится. Каждое её нынешнее унижение было лишь ступенью к великому будущему.

И действительно, в ту же ночь она снова оставила Сяо Минжюя в своих покоях. Среди ночи она еще дважды вызывала слуг с водой для омовения, заставляя остальных красавиц в гареме исходить ядовитой желчью от зависти.

Находясь в самом центре этой борьбы, Мэн Сусу даже не осознавала, что её методы ничем не отличались от уловок тех женщин и шуан'эр, которых она так презирала.

Когда Юаньцзин прочитал в донесении о том, сколько раз за ночь в покои вызывали слуг с водой, он едва не поперхнулся чаем. Пример наложницы оказался заразительным: обитательницы заднего двора Сяо Минжюя начали проявлять чудеса изобретательности, превращая ночную жизнь своего господина в нескончаемый марафон.

Встречая наследника днем, Юаньцзин невольно всматривался в его лицо, гадая: не подкосили ли эти бурные ночи здоровье Сяо Минжуй? Однако стоило признать — статус главного героя давал свои преимущества; по крайней мере сейчас он выглядел вполне бодро.

Размышляя об этом, Юаньцзин поймал себя на мысли, что недооценил Мэн Сусу. Даже если Сяо Минжуй начал сдавать позиции, она наверняка знала средства, способные вернуть ему былую прыть. Можно сказать, её таланты косвенно благодетельствовали всех красавиц в гареме.

Сплетни из поместья князя Чэн изрядно забавляли Юаньцзина, но он не забывал о деле. Юноша расширял информационную сеть, оставленную Миньюем, укрепляя её структуру и стремясь дотянуться до каждого уголка столицы, а затем и за её пределы.

Лю Ли, глава шпионов, поначалу сомневался в решении наследника, полагая, что тот поступил слишком импульсивно, доверив их лекарю. Теперь же от сомнений не осталось и следа. Он больше не смел недооценивать методы Юаньцзина. Наверное, Сяо Миньюй лучше всех знал, на что способен этот доктор, раз не колеблясь передал своих людей ему, а не князю Дуаню.

— Доктор Юань, срочное послание с границы, — Лю Ли передал Юаньцзину запечатанный свиток.

Юаньцзин немедленно вскрыл его. С момента отъезда Миньюя прошло полгода. Все эти месяцы они поддерживали связь, и юноша знал о каждом шаге друга. В этом письме наследник сообщал: пришло время начать войну с варварами. Только через открытое столкновение он сможет окончательно взять границу под свой контроль.

Он предупреждал Юаньцзина, чтобы тот вместе с князем Дуанем внимательно следил за тыловым обеспечением в столице и контролировал настроения при дворе.

Дочитав письмо, Юаньцзин сжег его и отдал приказ:

— Всем приготовиться. Начинайте отправку продовольствия и фуража, подготовленных за это время. Доставляйте грузы на границу небольшими партиями.

— Слушаюсь, доктор Юань! Мы не подведем господина! — люди Миньюя были полны решимости.

Один за другим торговые караваны потянулись на север. Для любого проверяющего это были обычные купцы, ведущие дела с приграничьем, но втайне всё необходимое для войны снаряжение бесперебойно скапливалось в руках Сяо Миньюя.

В свое время, еще в Нинчэне, Миньюй сомневался в намерениях Юаньцзина, но годы, проведенные вместе, превратили того в самого доверенного человека. Он верил другу больше,

чем собственному отцу. Именно потому, что за его спиной в столице стоял Юаньцзин, наследник мог без оглядки вступить в битву, зная, что тыл надежно прикрыт.

Спустя месяц во дворец пришла тревожная весть: полмесяца назад войска варваров внезапно атаковали три приграничных города. Среди них был и тот, где находился Сяо Миньюй, наследник дома князя Дуаня. Двор пришел в смятение, и столицу накрыла волна тревоги.

«Как это могло случиться? Разве не был подписан договор с Северной Ци? Разве мы не отправляем им ежегодно горы золота и шелков в обмен на мир?» Обычные набеги варваров, собиравших «осенний урожай», правительство предпочитало не замечать, но масштабное наступление игнорировать было невозможно.

Почему Северная Ци нарушила договор? В залах совета разгорелись споры. Некоторые предлагали немедленно отправить посольство к северному двору и выяснить, чего хочет северный царь на этот раз.

Тень былого поражения всё еще висела над Великой Чжоу. Армия варваров была сильна и вынослива, и многие при дворе считали, что откупаться серебром, шелком и фарфором куда разумнее, чем воевать.

«Может, им мало того, что мы посылаем? Добавить ли подношений или поступить иначе?»

Редкие голоса тех, кто призывал к войне, тонули в хоре сторонников мира. Первые переглядывались с тревогой в глазах: теперь их единственной надеждой оставался наследник Дуань, находившийся на границе. Им оставалось лишь молиться, чтобы он действительно смог, как и обещал, одержать блестящую победу и тем самым вернуть народу веру в империю.

Партия сторонников мира взяла верх — сам император не желал войны. Несколько дней споров привели к тому, что была назначена делегация к варварам. Поскольку желающих связываться с дикарями не нашлось, миссию поручили чиновникам, не имевшим особого веса при дворе.

Однако не успело посольство выехать за ворота, как в столицу ворвалась новая весть. На этот раз — победная.

— Что?! Наследник Сяо возглавил войска и разбил врага? Как такое возможно?

Северяне славились своей мощью, как могли изнуренные и плохо обученные солдаты Великой Чжоу одолеть их? Это казалось сказкой, небылицей.

Князь Дуань в ярости топал ногами на совете:

— Почему это невозможно?! Когда старый хоу Июн был жив, разве Великая Чжоу когда-нибудь

так дрожала перед северной ордой? Если вы, трусливые мокрицы, ни на что не способны, это не значит, что мой сын такой же!

Пока князь Дуань вступал в словесные перепалки с чиновниками, Юаньцзин через свои каналы стремительно распространял весть о победе среди простого люда. Народ был воодушевлен. Многие еще помнили ужасы прежних лет и не хотели возвращения черных дней. Люди искренне надеялись, что дух покойного хоу Июна воплотился в молодом наследнике, готовом сокрушить гордыню варваров.

— Слава небу! Наследник Дуань отстоял честь Великой Чжоу и одержал великую победу! Он — истинный герой!

— Верно! Помните его команду по полю? Они не знали поражений в столице, и на поле боя шицзы остался верен себе!

— Наследнику всего тринадцать, а он уже так отважен. Само небо хранит нашу империю!

<http://bllate.org/book/15835/1571083>